

УДК 81.373 + 81'282
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-13-23

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРИЛИЧНО / НЕПРИЛИЧНО ОДЕТОМ ЧЕЛОВЕКЕ В ПЕРМСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ

Юлия Владимировна Зверева

к. филол. н., доцент кафедры гуманитарного образования в начальной школе

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. zvereva_yuliya_2013@mail.ru

SPIN-код: 9483-8453

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зверева Ю. В. Народные представления о прилично / неприлично одетом человеке в пермской диалектной лексике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 13–23. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-13-23

Please cite this article in English as:

Zvereva Yu. V. Narodnye predstavleniya o prilichno / neprilichno odetom cheloveke v permskoy dialektnoy leksike [Traditional Notions of a Decently / Indecently Dressed Person in the Perm Dialect Vocabulary]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 13–23. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-13-23 (In Russ.)

В статье рассматриваются диалектные языковые единицы тематической группы «Одежда», а также наименования человека, характеризующие особенности внешнего облика. Эти единицы позволяют выявить представления носителей пермских говоров о том, что является допустимым и недопустимым во внешнем виде. В системе представлений противопоставляется одежда старая и новая, чрезмерно широкая и сшитая по фигуре, грязная и чистая, традиционная и современная. В говорах отмечено большое количество единиц, называющих старую, изношенную одежду. Часто они имеют негативную окраску, что связано с незначительной ценностью такой одежды для крестьянина. Наименования человека, образованные от названий старой одежды, всегда обладают отрицательной коннотацией. Возможно, это объясняется тем, что носители диалекта считают человека в подобной одежде неопрятным и (или) ведущим асоциальный образ жизни. Негативно воспринимается также слишком просторная, широкая одежда. Такое отношение вызвано не только эстетическими, но и утилитарными причинами: в мешковатой одежде неудобно заниматься хозяйственной деятельностью. От наименований мешковатой одежды образуются также семантические дериваты со сниженной характеристикой человека. Отрицательно оценивается и слишком короткая, обтягивающая одежда, которая постепенно входит в обиход во второй половине XX в. Пожилые жители деревни считали такую одежду не только неприличной, но и неудобной.

Ключевые слова: пермские говоры; тематическая группа; наименования одежды; наименования человека; оценочная лексика.

В данной статье анализируются представления сельских жителей о приличном (одобряемом) / неприличном (неодобряемом) во внешнем облике, в одежде. Одежда во многом определяет внешний вид человека, является маркером его социального статуса, а также характеризует привычки и некоторые внутренние качества личности. Лексика, связанная с традиционной одеж-

дой, изучается с точки зрения мотивации [Вановская 2003; Гапонова 2008; Крылова 2001], происхождения [Судаков 2010], системных отношений [Калинина 2007], территориального распространения [Осипова 2002], культурной значимости [Левкиевская 2011; Осипова 1999; Тихомирова 2013а, 2013б], особенностей лексикографирования [Крылова 2010]. Диалектные названия одеж-

ды на материале пермских памятников письменности и говоров рассматривались в работах Е.Н. Поляковой [Полякова 2006], Ю.В. Зверевой [Зверева 2009].

В пермских говорах фиксируется большое количество диалектных лексем и фразеологических сочетаний, характеризующих человека с точки зрения его облика и манеры одеваться. Часто оценка внешнего вида человека связана с характеристикой его внутренних качеств и социального статуса. Анализ подобных антропонимантов также позволяет выявить представления сельских жителей о допустимом внешнем облике.

Настоящее исследование основано на данных картотеки «Словаря русских говоров севера Пермского края», материалах «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словаря пермских говоров», «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», «Словаря русских говоров Южного Прикамья». Картотеки вышеперечисленных словарей начали собираться в 50-х гг. XX в., сбор диалектных материалов продолжается до сих пор, в основном рассматриваемые языковые единицы были зафиксированы во второй половине XX в.

Часто для наименования одного предмета одежды в пермских говорах используются различные слова, среди них преобладает нейтральная лексика, лишённая оценочности. Однако некоторые языковые единицы, относящиеся к тематической группе «Одежда», могут выражать отношение носителей диалекта к ней. Оценку получают и люди, имеющие какие-либо особенности в облике. Большую часть оценочных языковых единиц, называющих виды одежды, а также характеризующих внешний вид человека, вполне ожидаемо составляют пейоративы. Человеку свойственно обращать внимание на то, что отличает другого, одобряемый внешний облик воспринимается как норма. Таким образом, представления сельских жителей об одобряемом облике и одежде можно воссоздать, если отталкиваться от того, что во внешнем виде не принимают диалектоносители.

Тематическая группа «Одежда» неоднородна с точки зрения экспрессивной окраски, чаще всего негативная оценка появляется у языковых единиц, называющих пришедшую в негодность, изношенную одежду. Н. В. Злыднева отмечает, что «в традиционной культуре ценность имеет добротная одежда» [Злыднева 2011: 548], закономерно, что старая одежда не обладает такой значимостью. В некоторых случаях оценочность языковых единиц выражается с помощью суффиксов: -ин(а) (*барахлина*), -овин(а) (*хламовина*), -ёшка(а,о) (*латанёшка*, *хламёшко*), однако чаще всего они отсутствуют или же слово включает

суффикс собирательности -j- (*лоскутьё*, *ремезьё*, *тряпьё*).

Отчасти пренебрежительное отношение к старой одежде выражается в том, что большое число единиц образовано от слов, обозначающих 'отрезок, кусок чего-либо'. Так, прозрачную внутреннюю форму имеют слова *ло'скуть*, *лоскутьё* (*Сказали этому мужику: «Собирай свой лоскуть и отправляйся домой»* (Козьмодемьянское Караг.); *Худое лоскутьё – тряпьё называют – на хлеб меняли тогда* (Каргино Ильинск.) [СПГ 1: 490]); *трепло'*, *тряпьё* (*Было бы чё у неё, дак не носила бы экое тепло. У неё нечем перемениться, всё приносила* (Купчик Черд.) [КСРГСПК]; *У нас у старика вон сколько обносков, тряпья* (Акчим Краснов.) [АС 6: 44]). В некоторых случаях требуется найти однокоренные слова или обратиться к этимологии слова. Например, лексема *латанёшка* (*Латанёшка на нас, хлам-от; на нас чё, латанёшка, а у вас пальта* (Володино Сол.) [СПГ 1: 465]) является однокоренной к словам *лата* 'заплата' [СРНГ 16: 286], *латань* 'старая изношенная, залатанная одежда' [там же]. В русских говорах фиксируется слово *ле'пень* 'обрезок, лоскут, кусочек' [там же: 360], которое в пермских говорах приобретает значение 'старая одежда' (*Да сними ты этот лепень!* (Оса Ос.) [СПГ 1: 472]). Слово *обмотья* (*А старьё – старая одежда, называлось ремки, обмотья, отретья* (Ныроб Черд.) [КСРГСПК]) связано с *обмотки* – 'портянки', 'тряпки, которыми обматывают ноги вместо обуви' [СРНГ 22: 135]. В пермских говорах фиксируется также слово *клепо'* (*Чё ныне жизнь-то супротив нашей! А я ишь како клепо за весь век износила... Эки-те гуни худы-те и звали клепо* (В. Мошево Сол.) [СПГ 1: 393]), которое связано с литературным *кляп* 'кусочек дерева или тряпки, насильно всовываемый в рот животному или человеку, чтобы не дать ему возможности кусаться или кричать' [БАС 8: 151]. В диалекты и литературный язык лексема попала из праславянского языка, в котором *клепъ(ьй) имел значение «гнутой, кривой, скомканный (о колышке дверной петли)» [Шапошников 1: 404]. В диалектах слово является многозначным, в пермских говорах на базе семы 'кусочек тряпки' развивается значение 'пришедшая в негодность одежда'.

Большое число слов со значением 'старая одежда' включают корень *рям-(рем-)*: *ремезьё* (*Ремезьё – худа-то лопоть* (Рожнево Черд.) [КСРГСПК]); *ремезьё* (*У нас все снаряжённы, одетьё. Это уж кака пьаница – придёт, ремезём тресёт!* (Акчим Краснов.). *Ты вот в хорошем ходишь пальте, а я в ремезьё! Шалолошка только на мне...* (Акчим Краснов.) [АС 5: 28]); *ремзы'* (*Я приду мокрая, она меня разболокала.*

Ремзы мои сушит (Редикор Черд.). *А старьё* [старая одежда] называлось *ремки, обмотья, отрѣнья* (Нырб Черд.) [КСРГСПК]; *ремки'* (*Ремки – одѣжа старая* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]); *реми'за* (*Поеду на зиму-то к дочери в Боровск. Дом заколачивать не буду. Добра не много, ремиза только* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 288]); *ремо'жное* (*Надька-то все времечко в реможном ходит, вся одѣжа в заплатах* (Опалихино Сукс.) [СРГЮП 3: 36]); *ремошо'лья* (*Всѣ пропиват, одне ремошолья носит* (Вильгорт Черд.) [КСРГСПК]); *рему'га* (*Шуликины – парень наденет бабье, девка штаны опять. Маски делали чѣ-нибудь из ремуги наденут, плат завяжутся, ходят* (Сѣйва Гайн.) [СРГКПО: 210]); *рехмо'тьѣ* (*Худое рехмотьѣ, кто его возьмѣт?* (Мосяно Ильинск.) [СПГ 2: 290]); *рехму'тка* (*Раньше ведь как, маломальскую рехмутку купишь, в том и ходишь* (Сарс Окт.) [там же]); *рямошо'лки* (*Рямошолки. А то же это, что шолошолки* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]); *ряму'ха* (*Дак они же не за знамя рямухи-то утаишьыли – думали, чѣ-то путное* (Дуброво Ел.) [СРГЮП 3: 60]); *ряму'шка, ряму'шки* (*Ремушка – вот совсем поношенная одѣжа, вот и ремушка* (Черд.). *Ремушки – бросовые тряпки и изорванная одѣжа* (Покча Черд.) [КСРГСПК]); *рямьѣ* (*Сними ты это рямьѣ* (Брѣхово Сукс.) [СПГ 2: 312]). Появление чередования с х в корне, возможно, связано с метатезой: *рему'ха, ремо'ха* → *рахмо'тьѣ, рехму'тка, рехмо'уки*. В этимологических словарях лексемы с этим корнем связываются со словом *ремень* [Фасмер 3: 469; Черных 2: 110]. Однако происхождение общеславянского корня *rem- неясно. В качестве одного из предположений П. Я. Черных приводит следующую версию: лексема может быть заимствована из древневерхненемецкого языка, в котором *rioto* – «лента», «пояс», «ремень» [там же]. В этимологическом словаре А. К. Шапошникова происхождение слова объясняется через связь с основой *йармо (с расширителем основы -м-), восходящей к индоевропейскому корню *ag 'связывать' [Шапошников 2: 277].

Наименования пришедшей в негодность одѣды могут быть образованы от слов со значением 'отходы, отбросы, что-либо ненужное'. Например, сочетание *требухе'нь-брюхе'нь* (*А чѣ у нас там одѣжа – требухень-брюхень. Нече было носить* (Ермия Чернуш.) [СРГЮП 3: 243]) связано со словом *требуха* 'внутренности (кишки, желудок) убитого животного' [Ожегов, Шведова: 809]. По сравнению с мясом животного, *требуха* может осмысляться носителями диалекта как отходы, кроме того, ее внешний вид непривлекателен.

Слова, обозначающие старую одѣду, могут возникнуть в результате метафорического пере-

носа с названий волос. Так, лексемы *кочубьѣ* (*Раньше носить нечего было, кочубьѣ накинешь да и бежать* (Н. Бычино Краснов.) [СПГ 1: 430]) и *хохо'лье* (*Дак какой трепьѣ, хохоллѣ* (Акчим Краснов.) [АС 6: 133]) образованы от слов со значением 'клок, пучок волос'. В пермских говорах фиксируются лексемы *кочи* 'волосы' [СПГ 1: 430], *кочка* 'вихор волос' [КСРГСПК], *хо'хол* 'клок волос' [КСРГСПК], *хохлатушки* 'длинные волосы' [СПГ 2: 510]. Лексемы *кочка* и *хохол* приобретают значение 'клок, обрывок, кусок чего-либо', в которое уже не входит сема 'волосы' (например, *Я сена ни хохла не привезла нынче* [там же]). От лексем с этим, более широким значением, с помощью суффикса -j- образуются собирательные существительные, обозначающие поношенную одѣду.

В пермских говорах для обозначения изношенной одѣды используется также слово *ши'шки*, кроме того, зафиксировано сочетание *ши'шки-мары'шки* (*У меня шишки-марышки тут, вы уж не смейтесь* (Нилиги Ильинск.) [СПГ 2: 555]) и фразеологизм *только ши'шки воют* 'о старой, изношенной одѣде'. Скорее всего, у лексемы *шишка* в диалектном значении 'вид прически, волосы, собранные на затылке в волосы' [АС 6: 232] развивается новое – 'непричесанные волосы'. Это подтверждается существованием в пермских говорах лексемы *шишко* 'растрепанные, поднятые кверху волосы' (*Подняла кверху. Ишь, какой шишко. Ну все волосы вверху стоят. У, какой шишко стоит* (Черд.) [КСРГСПК]). Далее в говорах происходит следующая трансформация семантики слова *шишки*: 'растрепанные волосы' → 'лохмотья' → 'старая, поношенная одѣда. Растрепанные, поднятые дыбом волосы также являются маркером отступления от нормы, недаром во многих русских говорах существуют наименования *шиши* и *шишига* для обозначения черта [Березович: 472]. Таким образом, в наименованиях ветхой, изорванной одѣды, образованных от слов со значением 'волосы', тоже выражается отрицательное отношение к подобной одѣде, поскольку пересечение с семантикой 'нечистая сила' всегда ведет к появлению негативной коннотации.

Для усиления экспрессии в говорах в некоторых случаях при назывании старой одѣды используются повторы в виде рифмующегося сочетания слов. Кроме сочетаний *требухе'нь-брюхе'нь, ши'шки-мары'шки*, в говорах фиксируется еще одно подобное – *шоро'м-боро'м* 'старье, тряпье' (*Откроешь ящик, а там всякой шором-бором, всѣ чѣ-нибудь разно, не укладено, не уверчено* (Вильва Сол.) [СПГ 2: 559]). В некоторых случаях на основе повтора формируется фразеологизм, в его состав входит слово, обозна-

чающее 'кусоч, отрезок', и предлог на-: **рубѣ'ц на рубѣце'** (*Я – рубеч на рубче – резала юбки. Не могу драть-то* (Акчим Краснов.) [АС 5: 37]); **рямо'к на ряжке'** (*Ты на чѣ ещё эту кофту надеваешь; ведь рямок на ряжке висит* (Ненастье Окт.) [СПГ 2: 312]). Во фразеологизме **рубѣ'ц да запла'та** (*А не путна стирка-то у меня: каки-то шолошолки, рубеч да запла'та да* (Акчим Краснов.) [АС 5: 37]) повторяются слова, близкие по значению. Слово **рубѣц** в пермских говорах имеет значения 'сильно изношенная одежда' (*Рубѣцы, обноски выбрасываете. Которы годны, на тряп'нѣ дерѣм* (Акчим Краснов.) [АС 5: 37]) и 'плохо, грубо сшитая одежда' (*Какой рубѣц сошьют, такой и носишь* (Акчим Краснов.) [там же]). В литературном языке представлены однокоренные слова к лексеме рубѣц: *рубаха* и *рубище*. Исследователи отмечают, что все эти лексемы восходят к праславянскому корню *rǫbъ, *rǫba 'отрез полотна, кусок ткани' [Шапошников 2: 287].

В пермских говорах отмечаются и другие фразеологизмы, обозначающие старую, пришедшую в негодность одежду: **мару'сины трофе'и** (*Марусины трофеи каки-то! Шолошолочки* (Акчим Краснов.) [АС 6: 43]); **на веретне' (на веретѣшко) стрясти'** (*Курточка-то – на веретне стрясти. Чѣй-но рехмотья одне, дак вот и говорят: на веретне стрясти* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП 3: 194]. *Экой-то моды не было, чтобы ребѣнку новый матерьял на пелѣнки брать, собирают чѣ на веретѣшко стрясти, лопотину разную, старенькоѣ, выстирают на пелѣнки* (Пыскор Ус.) [ФСПГ: 364]), **только ши'шки во'ют** (*Полы, куфайка-та – только шишки воют; надо новую брать, да нету* (Мусонкино Караг.) [СПГ 2: 555]). В первом фразеологизме иронически переосмыслиется слово *трофеи* 'имущество, боеприпасы, техника, захваченные у противника' [Ожегов, Шведова: 813], притяжательное прилагательное *марусины*, образованное от неполного имени Маруся, также вносит шуточный оттенок. И. А. Подюков так объясняет возникновение фразеологизма **на веретне стрясти**: «Смысл фразеологического образа заключается в уподоблении ветхой одежды куделе, поскольку диалектное выражение *веретеном трясти* устойчиво использовалось как обозначение процесса прядения» [Подюков 2012: 10]. Уподобление ветхой одежды куделе (куделя – 'волокно льна, обработанное для приготовления пряжи') связано с тем, что хотя куделя – полезная вещь, однако внешне выглядит неприглядно. Т. В. Матвеева, характеризуя дериваты от этого слова, отмечает: «Кудель – это всегда нечто бесформенное, неаккуратное, некрасивое» [Матвеева 1981: 147].

В отношении поношенной одежды носители диалекта часто используют лексику, имеющую

пренебрежительную или шутовую окраску. Если подобную одежду надевает человек, то для его характеристики обычно используются единицы с отрицательной коннотацией: **барахо'льщик, барахо'льщица** (*Барахо'льщик – это парень в худом ходит, его пускать не надо, а девка, так та барахо'льщица* (Редикор Черд.) [СРГСПК 1: 60]); **лоску'тник** (*А я сказать-то ничего не могу, за мной гонятся каки-то лоскутники, да каки-то беглые, таящиеся* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 490]); **лохмо'тник, лохмо'тница** (*Вон идёт какой лохмотник, лохмотница* (Покча Черд.); *Лохмотники всё старьѣ наденут* (Покча Черд.) [КСРГСПК]); **отере'бок** 'что-либо изорванное, тряпка' → **отеребок** (*Отеребок – кто плохо одетый человек* (Воскресенское Уинск.) [СРГЮП 2: 256]); **ремезе'нник** (*Ремушник, чѣ-то оборвѣтся, как ремезенник ходит* (Велгур Краснов.) [КСРГСПК]); **ремеше'льник и ремешо'льница** (*Ремешельник, когда плохо одет. Ох, ты ремешельник, в плохой одежде который* (Кикус Черд.); *Ремешольницы каки-то, ничѣ у них нет, она уехала, дак они всю лопоть еѣ носили* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]); **шалашо'лка** 'старая, рваная одежда' → **шалашо'льник и шалашо'льница** (*Человека в худой одѣже называют шолошольник* (Акчим Краснов.); *Человек такой – шолошольник, женьшына – шолошольница* (Акчим Краснов.) [АС 6: 216]); **шишкотря'с** (*Дак ты чѣ, шишкотряс ли чѣ? Будто ничего получше не нашла надеть!* (Нердва Караг.) [СПГ 2: 555]). Слова со значением 'плохо одетый человек' могут также обозначать бедного человека: **ряму'шник** (*А чѣ у нашего брата, рямушника, возьмѣшь... бедно жили* (Тетерина Сол.); **ряму'шница** (*Наряжались мы уж больно плохо, ничѣ у нас не было – нас, бедных, рямушницами звали* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 312]).

Учитывая то, что деревенские жители редко жили зажиточно и обычно не выбрасывали даже обрывки одежды, возникает вопрос о том, чем вызвано такое негативное отношение к людям, одетым в ветхую одежду. Возможно, это связано с тем, что постоянное ношение старой одежды, по мнению носителей диалекта, свидетельствует о крайней скупости человека, а также о его неопрятности. Часто у лексем со значением 'плохо одетый (человек)' возникает добавочное значение 'неопрятный, неаккуратный (человек)', как, например, у слова **шалашо'льный**: *Лѣнька, чѣ он хороший? Неумытой. Шалашо'льный* (Акчим Краснов.) [КАС]. Кроме того, в некоторых случаях диалектоносители считали отсутствие хорошей одежды у человека следствием того, что он плохо работает или же не может купить одежду, потому что чрезмерно употребляет спиртное: *А плохо работат, дак и трясѣт шолошолочками,*

как нищий живёт: ни пожить, ни поесть! (Акчим Краснов.); *Пирует. На себе-то путной-то нет шолошолки! Пьяница!* (Акчим Краснов.) [АС 6: 215]. Интересно, что у антропонимантов, образованных от наименований старой одежды и слов со значением ‘тряпка’, может появляться значение ‘распутный человек’: *шалашо'лка* ‘о распутной женщине’ (*Шалашолка – гуляющая девка, она вся истаскалась, про мужчину – скандалист, хулиган* (Покча Черд.) [КСРГСПК]); *имо'тень* (*имо'тник*) ‘об опустившемся, деградировавшем человеке’ (*Приехал из Москвы и живёт здесь. Стал имотень, пьяница* (Акчим Краснов.) [АС 6: 236]); *шалашо'льник* ‘распутник’ (*Мушшывна разгул ... шолошольник, он имеет несколько жён, разгуливает* (Покча Черд.) [КСРГСПК]). Пришедшая в негодность одежда воспринимается как маркер опустившегося человека, его асоциального поведения. В результате этого группа слов со значением ‘пришедшая в негодность одежда, лохмотья’ служит донором для единиц, обозначающих бедных, неимущих, неопрятных, а также опустившихся, ведущих распутный образ жизни людей.

Неодобрение вызывает не только ветхая, изношенная одежда, но и неаккуратно сшитая, не по фигуре одежда. Неодобрительную окраску имеют языковые единицы *балахня'* (*балахо'ня*) ‘о непомерно широкой и длинной одежде’ (*Надел каку-то балахню* (Акчим Краснов.); *Балахоня – кака-нибудь ишурка, лопотина. Она не по туше какая, балахоня* (Акчим Краснов.) [АС 1: 49]); *малаха'й* ‘всякая неаккуратно сшитая, а также мешковатая одежда’ (*У нас в деревне ладом-то не сошьют; сошьют как-от малахай, токо матерьял испортят* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 502]); *Малахаем зовём верхнюю неаккуратную одежду* (Акчим Краснов.) [АС 2: 119]); *охлепёста* ‘о широком, неаккуратно сшитом платье, кофте и т. п.’ (*Мануфактуру режут на каку-то летягу* (о широком платье с клиньями). *Настоящая охлепёста!* (Акчим Краснов.) [АС 3: 151]); *поло'хало* ‘об очень широком платье’ (*Нынче вам надо какой полохало надевать – то и костюм. А ни выемки ничё нет, ни в талии, нигде* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]). Обращение к однокоренным словам и семантическим связям лексем *охлепёста* и *поло'хало* позволяет предположить их отрицательную окраску. Скорее всего, слово *охлепёста* связано с диалектным глаголом *охлопать* ‘отрясти, отряхнуть’ и существительным *охлопок* ‘лохмотья, изношенная одежда’ [СРНГ 25: 35] или же со словом *охлёт* ‘грязный, забрызганный или рваный подол одежды [там же 25: 38]. Первое значение лексемы *полохало* – ‘пугало в поле, на огороде’ [СРНГ 29: 128]. Обычно на пугало надевали старую, пришедшую

в негодность одежду, поэтому у лексемы возникает переносное значение – ‘широкая, некрасиво сшитая одежда, балахон’ [там же]. Возможно, негативная оценка подобной одежды связана с тем, что она воспринимается носителями как некрасивая, несуразная. Кроме того, слишком широкое, просторное одеяние было неудобно при работе.

От наименований неаккуратно сшитой одежды в результате переноса образуются наименования людей, которые небрежно, неаккуратно одеты: *балахня'* (*Кто-ко наша братия и есь балахня-та. Плохо одетый, грязный ходит да чё да, пьяный да: «О, он, говорит, балахня»* (Гашкова Черд.) [СРГСПК 1: 52]); *как балахо'ня* (*Чё, говорит, так ты оделася как балахоня? Плохо одеватся, неряха вот он* (Гашкова Черд.). *Как балахоня, говорит, ходит. Который за собой не следит ничё* (Бондюг Черд.) [СРГСПК 1: 52]); *малахай* (*Идёт малахай, по-нашему, нехорошо нарядилась* [СРГСУ 2: 112]). Отрицательное отношение к людям в неаккуратной одежде проявляется в возникновении переносных значений. Так, у слова *балахня* отмечаются значения: 1) ‘неуравновешенный, суматошный человек’ (*Балахня, бойкая она. Кинется, изломат чё-ко* (Велгур Краснов.); *Балахня-де ты, дикий человек, ничего не понимает* (Редикор Черд.); 2) ‘ленивый человек’ *А ничё, говорит, она не понимает, балахня, ничё не робит* (Гашкова Черд.); *Это лентяй. Он говорит: «Чё из его толку, чё-де он балахня»* (Бондюг Черд.) [СРГСПК 1: 52]; *Они балахня, в колхозе не робят* (Воскресенское Караг.) [СПГ 1: 19]. У лексемы *малаха'й* переносные значения фиксируются в русских говорах Среднего Урала: 1) ‘небрежно, неряшливо одетый человек’ (*Идёт малахай, по-нашему, нехорошо нарядилась* [СРГСУ 2: 112]), 2) ‘растяпа, разиня, нерасторопный человек’ (*Малахай я есть, без хлеба пришёл* [там же]). Таким образом, на основе лексем со значением ‘излишне просторная одежда’ развивается семантика ‘ленивый человек’ и ‘человек, поведение которого отличается от общепринятых норм’. Появление первого значения связано с представлением о том, что мешковатая одежда мешает хорошо работать (здесь можно вспомнить историю фразеологизма *спустя рукава*). Возникновение второго значения (‘неуравновешенный, суматошный человек’ и ‘нерасторопный человек, растяпа’) объясняется тем, что человек в мешковатой одежде воспринимался как неспособный одеться в соответствии с определенными правилами, а следовательно, сумасбродный или рассеянный. Отметим, что подобный семантический перенос в говорах довольно распространен, Л. И. Шелепова пишет: «Среди диалектных имен существительных с

характеризующе-оценочным значением лица выделяется многочисленная группа семантических дериватов от названий плохой, ветхой или неуклюжей одежды...» [Шелепова 2014: 28]. «Одежная метафора» активно используется для обозначения человека: значение 'пришедшая в негодность одежда' часто реализуется в характеристике социального положения, семантика 'излишне просторная одежда' – при обозначении личностных качеств человека (неопрятности, неуравновешенности, нерасторопности, ленисти).

Особых лексем для грязной одежды в пермских говорах не отмечено, зафиксированы только два фразеологизма: *жму'лька жму'лькой* 'о мятой, неопрятной одежде' (*Одѣжа на ём дак жму'лька жму'лькой* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП]) и *как ба'нная заты'чка* 'о крайне мятой, грязной вещи, одежде' (*Юбка-та небаская, как банна затычка; стирать бы надо* [СПГ 1: 313]). Однако в говорах существует много языковых единиц, которые характеризуют человека в грязной, неопрятной одежде, например, *бахме'тко, гала'х, грязноподо'лка, ка'ля-ма'ля, как ку'кша, как оже'говна, как пу'жсика, ку'та'фья, ма'ша-чува'ша, му'ля, обмолы'зга, орѣпа, распозни'ха, ря'па, хо'вря* и др. Неопрятность в одежде вызывает резко негативную реакцию носителей диалекта: «*Ряпа она настоящая, така неаккуратная баба, заряпистая, она сама себя не дозорит: пойдѣт к скоту в том, и стряпать будет в том, и на народ пойдѣт в том*» (Толстик Сол.) [СПГ 2: 312]. Интересно, что большинство таких лексем относится к женщинам, т. е. неопрятный вид женщины вызывал больше неприятия, чем грязная одежда мужчины. В представлении носителей диалекта внешний вид мужчины и детей во многом зависит от жены и матери: *Вот, скажете, кака баба необходимлива, ничѣ у иѣ не прибрано; и старик-от у иѣ тоже необходимливой, ведь страм* (Володино Сол.) [СПГ 1: 591]. Таким образом, грязная одежда женщины характеризовала не только особенности ее внешнего облика, но и ее хозяйственные способности. Так, фиксируемое в пермских говорах слово *обихо'дница* содержит семы 'рачительная, расторопная и чистоплотная хозяйка' и 'опрятная женщина' (*Обиходница всё хорошо ведѣт в избе. Знацит, цистоплотная, сама себя хорошо ведѣт. В цѣм она утром стряпат, переодинется и циста* (Покча Черд.) [КСРГСПК]). Наши наблюдения подтверждают и данные других русских говоров: исследователь сибирских говоров Т. А. Демешкина пишет о том, что лексемы в группе слов со значением 'опрятный/неопрятный' в большинстве случаев употребляются по отношению к женщинам, поскольку «хранительницей чистоты в восприятии

носителей диалекта является женщина» [Демешкина 1995: 64].

Названий хорошей, нарядной одежды в говорах гораздо меньше, чем изношенной, плохо скроенной, грязной. В пермских говорах эти единицы, как правило, образуются от корней ряд- (*вы'ряды, наря'д, обря'д, снаря'д, сряд, сря'ды*) и люд- (*вы'людник, вы'людное, вы'людье*). Во втором случае образование лексем мотивировано тем, что праздничные наряды обычно одевались «в люди» (*Вылюдьѣ – в гости идти. На вылюдьѣ платьѣ снарядно надеваш* (Покча Черд.); *Вылюдное – токо вот в праздник поносят и положат* (Илаб Сол.) [СРГСПК 1: 325]). Все перечисленные слова не имеют эмоциональной окраски, в некоторых случаях окраску приобретает наименование человека, который носит хорошую одежду, следит за своим внешним видом. Интересно, что только существительное *наря'дница* (*Нарядница нарядная ходит-от. Нарядница, а мушшына нарядной* (Покча Черд.) [КСРГСПК]) и несколько однокоренных прилагательных *вы'рядный, обря'дный, снаря'дный, сря'дный* 'нарядный, хорошо одетый' образованы от слов с корнем ряд-.

В пермских говорах отмечены и другие языковые единицы, называющие хорошо одетого человека, однако они образованы от слов с другими корнями. Например, для наименования человека, который заботится о своем внешнем виде, любит наряжаться, используются слова и выражения: *басѣна, баси'ха, басу'ля, басу'лька, бодрѣна, вы'тулка, как ку'кла, кра'ля бубно'вая, моди'стка, мо'дная пе'нка, ня'ленка, у'бранный, форсу'нья, как чечѣтка*. Чаще всего эти языковые единицы характеризуют женщин, очень редко применяются и по отношению к мужчинам, особых единиц для именованья хорошо одетых лиц мужского пола в пермских говорах очень мало (*басо'к* 'любитель модно одеваться, щеголь'). Возможно, такая несоразмерность связана с тем, что наружность и одежда мужчины реже оценивается, чем внешний облик женщины. Обычно лексемы со значением 'хорошо одетый человек' либо лишены коннотации, либо имеют шутливую окраску. Видимо, у носителей диалекта такой человек вызывает двойное чувство. С одной стороны, хорошая одежда воспринимается как один из признаков внешней красоты, так, корень *бас-* (присутствующий в словах *басѣна, баси'ха, басу'ля*) имеет значение 'красота'. В иллюстрации к слову *убранный* 'нарядно одетый' (*Жених хороший будет: белой, чистой, упрятный, убранный* (Акчим Краснов.) [АС 6: 66]) также выражается представление о красивом, одобряемом внешнем виде. С другой стороны, привлекательный внешний вид может

быть связан с тратой времени на прихорашивание около зеркала, что вызывает у жителей деревни отрицательное отношение. Негативно оценивается и нарядная, не соответствующая будничной обстановке, одежда: *Николаевна за коровами пойдёт и то как на сряды вырядится* (Ненастье Окт.) [СПГ 2: 391], в обычные дни крестьяне носили будничную (*вожидённую*) одежду. Кроме того, в некоторых случаях красиво одетый человек воспринимается как одетый в соответствии с городской модой, что тоже нередко оценивается негативно.

Таким образом, в пермских говорах отрицательное отношение вызывают люди, одежда и внешний облик которых не соответствуют представлению носителей диалекта о норме, резко отличаются (по опрятности, ситуации) от других. Подобные наблюдения сделаны также исследователями других русских говоров. Так, Ж. К. Гапонова отмечает, что наименования человека в ярославских говорах отражают с одной стороны, неодобрительное отношение, к людям, одетым небрежно, в рваную и неопрятную одежду, с другой стороны – порицание безвкусно и вычурно одетых людей [Гапонова 2008: 136].

На протяжении XX в. одежда претерпела ряд изменений: в крестьянский быт вошли новые предметы одежды, ее покрой сильно изменился, постепенно самодельная одежда сменилась покупной. Все эти процессы нашли отражение в лексике пермских говоров. Так, были зафиксированы слова, называющие городскую, военную одежду, одежду из современных тканей, например, *вельветка* ‘куртка, сшитая из вельвета, жемперок ‘детская кофточка фабричной вязки’, *кожанка* ‘куртка из кожи или брезента’ и др. Однако современная одежда в обиход жителей деревни входила медленнее, чем в городе, диалектные записи свидетельствуют о том, что еще в середине XX в. в деревнях носили некоторые из предметов традиционной одежды. Е. Е. Левкиевская отмечает, что на селе в советское время, особенно в довоенное, традиционный костюм, вследствие тяжелого экономического положения и отсутствия денег и промышленных товаров, оставался почти единственной повседневной одеждой [Левкиевская 2011: 141]. Естественно, что современная одежда вызывала эмоциональные суждения диалектоносителей и появление оценочно окрашенных языковых единиц.

Обычно негативно оценивалась излишне короткая или обтягивающая одежда, например: *как обмоло'ток* ‘о коротком платье’ (*Ноне платья как обмолотки носят* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]); *обу'зда* ‘узкое, стесняющее бельё’ (*Нонче оденут обузды-то – сколь небаско, девки* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП 2: 214]); *свистива'ль*

‘узкое современное платье’ (*Весной Нюра платье наладила, а нынче уж не полизит, как свистиваль. Узкое платье – свистиваль, как насмежку. Ну ешо которое подходя, а которое две четверти, куды уж она шагнёт. Соберёмся старые люди, дак смеёмся* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]); *хохотунчик* ‘короткая одежда’ (*Чё это нонче – одежда рази, носят хохотунчики* (Осинцево Сукс.); *Надела как-от хохотунчик, конечно, замерзнёшь* (Суксун) [СРГЮП 3: 326]). В сравнительном обороте *как обмоло'ток* одежда сравнивается с обмолоченным снопом, само сравнение основано на общем признаке ‘лишенный важных частей’. Лексемы *обу'зда* и *свистива'ль* относятся к узкой одежде, первое слово, скорее всего, образовано от глагола *обузить* ‘сделать узким’, второе – контаминация слов *свистеть* и *фестиваль*. Окказиональное образование подчеркивает ироничное отношение носителей говора к такой одежде. Лексема *хохотунчик* встречается не только в пермских говорах, но и в говорах Среднего Урала, в которых имеет схожее значение ‘короткое пальто, старый, обрезанный плащ’ [СРГСУ 6: 153], внутренняя форма слова свидетельствует о насмешке по отношению к человеку в короткой одежде. В течение XX в. кардинально изменилась длина юбок у женщин, естественно, что в большинстве упомянутых лексем характеризуется именно женское платье.

Осуждают жители деревни и женщин в чрезмерно короткой одежде, используя лексемы *голенда'й* (*Голендайка, голендайка – полураздетый человек, видно части тела* (Искор Черд.) [КСРГСПК]); *И женщина котора, как голендайка, идёт, на босую ногу, юбка коротенька, необолочёная* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 591]); *подхалю'за* (*Приходят – юбки коротенькие со всякими оборочками. Нам-то, старухам, это позорно кажется, смотреть стыдно: не молодухи, а подхалюзы* (Ушакова Сол.) [СПГ 2: 133]) и *одерганка* (*У деушки короткое платье было, дак «Как одерганка ходит» – говорят* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]). Фразеологизм *рукава' соба'ки оборва'ли* ‘о безрукавой одежде’ (*Ходят нонче – рукава собаки оборвали, мне не надо такое платье* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 224]) свидетельствует о том, что отсутствие рукавов также вызывает у пожилых жителей деревни неприятие. В представлении диалектоносителей, излишнее обнажение ног и рук неприлично. Об этом свидетельствуют и отрицательные характеристики человека *голена'стый, голени'стый* ‘с обнаженными ногами, без чулок и т. п.’ (*Сёдня мать-то не обула. Голенастая бегашь* (Акчим Краснов.); *Она загнула штаны и ходит голенистая* (Акчим Краснов) [АС 1: 209]) и *голору'кий* ‘с обнажен-

ными, голыми руками' (*Вон эта идёт, голорукая* (Шульгино Бер.) [СПГ 1: 174]). Критическое отношение у носителей диалекта вызывает также чрезмерное, по их мнению, обнажение мужчин и детей. Так, человек в расстегнутой одежде, через которую видно тело, или снявший часть одежды, вызывает осуждение, его могут назвать *голя'щий* или *гола'н*: *Что рубашку расстегнул – совсем голящий* (Дедюхино Сол.) [КСРГСПК]. *Иди, голан, оденься! Без майки ходит, дак голан и есть* (Свалова Сол.) [СПГ 1: 170].

Отрицательное отношение можно объяснить не только этическими, но и прагматическими причинами: короткая и узкая одежда не подходила для работы, как и слишком длинная и свободная одежда. Так, носители диалекта называют удлиненную сзади юбку *хвосту'щей* и считают ее неудобной: *Юбка хвостушшая, у иё передняя часть намного короче задней. Наденут девки юбки хвостушшие да всю грезь и собирают* (Каргино Ильинск.) [СПГ 2: 498], а сильно расклешенную юбку *раздува'лом* (*Косоклинные дубасы-те были; кроят же эки-те раздувала нонче: идёшь, дак раздуват* (Вильва Сол.) [СПГ 2: 263].

Прагматические причины также лежат в основе негативной оценки людей, одетых не по погоде. Известно, что неумение выбрать одежду в соответствии с условиями внешней среды может привести к болезни. Недостаточно одетого человека чаще всего называют, используя корни *гол-* и *наг-*, *голенда'й* (*голенда'йка*), *наго'й* (*Ты не знашь голендаев? Голендай – которые бежит необолочёной, робёнок...* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 71]; *Всё ещё голендаикой бегаешь. Оденься, холодно уж стаёт* (Сарс Окт.) [там же]; *Вот нагая бегат, а?! Погоди ужо, добегашь!* (без пальто) (Акчим Краснов.) [АС 3: 15]). Человек, надевший на себя слишком много одежды, именуется *сби'тнем*: *Он чё-нибудь три-четыре лопотины наденет, ровно сбитень оделся* (Нытв.) [ДАК-ТиПЯ]; *Оденется, много на себя наденет, дак сбитнем называют* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК].

Итак, анализ рассмотренных языковых единиц позволил выявить представления диалектоносителей об одежде, о том, что является приличным или неприличным (недопустимым). Чаще всего в говорах фиксируются оценочные наименования неподходящей одежды; одежда, соответствующая условиям и традиции, обычно не получает эмоциональной оценки. Оценочные наименования человека, одетого определенным образом, помогают также выявить традиционные представления диалектоносителей об одежде. В говорах нередко происходит семантический перенос: наименования пришедшей в негодность, излишне просторной или грязной одежды могут

использоваться для именованья личностных характеристик человека (неопрятности, лени, неуравновешенности) или же его социального положения (бедности). Носители диалекта чаще обращают внимание на внешний облик женщины, чем мужчины: большая часть оценочных единиц, характеризующих одежду и внешность, относится к женщинам. В целом можно говорить о сложившейся системе представлений носителей диалекта о приличном / неприличном во внешнем виде человека и в одежде. В этой системе можно выделить ряд противопоставлений: старый / новый, мешковатый / скроенный по фигуре, грязный / чистый, современный / традиционный, не соответствующий / соответствующий погоде.

Сокращения

Бер. – Берёзовский район
Гайн. – Гайнский район
Ел. – Еловский район
Ильинск. – Ильинский район
Караг. – Карагайский район
Краснов. – Красновишерский район
Нытв. – Нытвенский район
Окт. – Октябрьский район
Сол. – Соликамский район
Сукс. – Суксунский район
Ус. – Усольский район
Черд. – Чердынский район
Чернуш. – Чернушинский район
Юрл. – Юрлинский район

Список источников

- АС – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.
- БАС – *Большой академический словарь* русского языка / под ред. А. С. Герда. М.; СПб., 2007. Т. 8. 640 с.
- ДАКТиПЯ – *Диалектологический архив*, хранящийся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.
- КАС – *Картотека* словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области.
- КСРГСПК – *Картотека* словаря русских говоров севера Пермского края.
- Ожегов, Шведова – *Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2008. 944 с.
- СПГ – *Словарь* пермских говоров / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с. 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.
- СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК – *Словарь русских говоров севера Пермского края* / гл. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1. А–В. 364 с.

СРГСУ – *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. Т. 1–7. 1964–1988.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–46). М.; Л.; СПб.: Наука, 1966–2016. Вып. 1–49 (издание продолжается).

СРГЮП – *Словарь русских говоров Южного Прикамья*. Вып. 1–3 / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 3. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

ФСПГ – *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 432 с.

Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Рус. язык, 1999. Т. 1–2.

Шапошников – *Этимологический словарь русского языка* / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. М.: Флинта, Наука, 2010. Т. 1–2.

Список литературы

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Вановская Л. А. Семантика русской одежды (на материале тамбовских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 212 с.

Гапонова Ж. К. Наименования одежды в мOLOGских ярославских говорах // *Ярославский педагогический вестник*. 2008. № 2. С. 134–139.

Демешкина Т. А. Способы описания концептов диалектной культуры // *Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее*. Томск, 1995. Вып. 4. С. 63–65.

Зверева Ю. В. «Одежда для ног» в пермских говорах // *Лингвокультурное пространство Пермского края. Материалы и исследования* / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. С. 128–142.

Злыднева Н. В. Одежда и время: мотив ветхой одежды как палимпсест // *Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда* / отв. ред. Н. В. Злыднева. СПб.: Алетейя, 2011. С. 547–556.

Калинина М. В. Общие названия одежды в донских казачьих говорах // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)* 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 112–117.

Крылова О. Н. Наименования сарафана в севернорусских говорах // *Лексический атлас рус-*

ских народных говоров (Материалы и исследования). 1998. СПб.: Наука, 2001. С. 249–253.

Крылова О. Н. Этнографическая лексика в диалектном словаре: проблемы лексикографирования (на материале лексики одежды) // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)*. СПб.: Наука, 2010. С. 81–87.

Левкиевская Е. Е. Народная одежда. Семантика и прагматика // *Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда* / отв. ред. Н. В. Злыднева. СПб.: Алетейя, 2011. С. 135–144.

Матвеева Т. В. Оценочная внутренняя форма как средство экспрессивности // *Этимологические исследования*. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1981. С. 142–148.

Осипова Е. П. Диалектные наименования одежды в лингвогеографическом аспекте // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)*. СПб.: Наука, 2002. С. 208–216.

Подюков И. А. Русская диалектная лексика в речи лупьинских коми-пермяков // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2012. Вып. 3(19). С. 14–21.

Полякова Е. Н. Что носили модницы в Прикамье в XVII – начале XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности) // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2010. Вып. 2(8). С. 14–24.

Судаков Г. В. История русского слова / Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда, 2010. 334 с.

Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013а. 350 с.

Тихомирова А. В. Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2013б. Вып. 1(21). С. 43–50.

Шеленова Л. И. Данные диалектов и история русского слова (семантический и словообразовательный аспекты) // *Филология и человек*. 2014. № 1. С. 16–30.

References

Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: ethnolinguistic studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p. (In Russ.)

Vanovskaya L. A. *Semantika russkoy odezhdy (na materiale tambovskikh govorov)*. Diss. kand. filol. nauk. [Semantics of Russian clothing (based on Tambov dialects) Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2003. 212 p. (In Russ.)

Gaponova Zh. K. *Naimenovaniya odezhdy v mologskikh yarovskikh govorakh* [The names of

clothes in the Mologa Yaroslavl dialects]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2008, issue 2, pp. 4–27 (134–139). (In Russ.)

Demeshkina T. A. Sposoby opisaniya kontseptov dialektnoy kul'tury [Methods for describing the concepts of dialect culture]. *Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Culture of the Fatherland: past, present, future]. Tomsk, 1995, issue 4, pp. 63–65. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. «Odezhda dlya nog» v permskikh govorakh [“Clothes for feet” in Perm dialects]. *Lingvokul'turnoye prostranstvo Permskogo kraya. Materialy i issledovaniya* [Linguistic and cultural space of the Perm region. Materials and studies]. Perm, Perm State University Publ., 2009, pp. 128–142. (In Russ.)

Zlydneva N. V. Odezhda i vremya: motiv vetkhoy odezhdy kak palimpsest [Clothes and time: a motif of worn clothes as a palimpsest]. *Kody povsednevnosti v slavyanskoy kul'ture: eda i odezhda* [Codes of everyday life in the Slavic culture: food and clothing]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2011, pp. 547–556. (In Russ.)

Kalinina M. V. Obshchie nazvaniya odezhdy v donsikh kazach'ikh govorakh [Common names of clothes in the Don Cossack dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 112–117. (In Russ.)

Krylova O. N. Naimenovaniya sarafanov v severnorusskikh govorakh [The names of sarafans in the Northern Russian dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 249–253. (In Russ.)

Krylova O. N. Etnograficheskaya leksika v dialektnom slovare: problemy leksikografirovaniya (na materiale leksiki odezhdy) [Ethnographic vocabulary in the dialect dictionary: problems of lexicography (on the material of the clothing vocabulary)] *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 81–87. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. Narodnaya odezhda. Semantika i pragmatika [Folk clothes. Semantics and pragmatics: eda i odezhda]. *Kody povsednevnosti v slavyanskoy kul'ture* [Codes of everyday life in the Slavic culture: food and clothing]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2011, pp. 135–144. (In Russ.)

Matveeva T. V. Otsenoch'naya forma kak sredstvo ekspressivnosti [Evaluation form as a means of expressiveness]. *Etimologicheskiye issledovaniya* [Etymological studies]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1981, pp. 142–148. (In Russ.)

Osipova E. P. Dialektnye naimenovaniya odezhdy v lingvogeograficheskom aspekte [Dialectal names of clothing in the linguo-geographical aspect]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 208–216. (In Russ.)

Podyukov I. A. Russkaya dialekt'naya leksika v rechi lup'inskikh komi-permyakov [Russian dialect vocabulary in the Lupinsk Komi-Permyak speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2012, issue 3(19), pp. 14–21. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Chto nosili modnitsy v Prikam'e v 17 – nachale 18 veka (po dannym leksiki permskikh pamyatnikov pis'mennosti)* [Fashion in Prikamye of the 17th – beginning of the 18th centuries (based on the lexicon of Perm written monuments)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 2(8), pp. 14–24. (In Russ.)

Sudakov G. V. *Istoriya russkogo slova* [History of the Russian word]. Vologda, Vologda State Pedagogical University Publ., 2010, 334 p. (In Russ.)

Tikhomirova A. V. *Assotsiativno-derivatsionnaya i frazeologicheskaya semantika naimenovaniy odezhdy v russkoy yazykovoy traditsii*. Diss. kand. filol. nauk [Associative-derivational and phraseological semantics of names of clothes in the Russian language tradition. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2013. 350 p. (In Russ.)

Tikhomirova A. V. Simvolika naimenovaniy odezhdy i obuvi v Russkoy dialektnoy leksike i frazeologii svadebnogo obryada [Symbolism of clothes and shoes' names in Russian dialectal lexis and phraseology of the wedding ritual]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 1(21), pp. 43–50. (In Russ.)

Shelepova L. I. Dannye dialektov i istoriya russkogo slova (semanticheskiy i slovoobrazovatel'nyy aspekty) [Data of dialects and history of the Russian word (in terms of derivation and semantics)]. *Filologiya i chelovek* [The Philology and a Person], 2014, issue 1, pp. 16–30. (In Russ.)

TRADITIONAL NOTIONS OF A DECENTLY / INDECENTLY DRESSED PERSON IN THE PERM DIALECT VOCABULARY

Iuliia V. Zvereva

**Associate Professor in the Department of Humanities Education in Primary School
Perm State Humanitarian Pedagogical University**

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. zvereva_yuliya_2013@mail.ru

SPIN-code: 9483-8453

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

The article discusses the dialectal linguistic units of the thematic group “clothing”, as well as the designations of a person in terms of his or her appearance. These lexical units make it possible to identify the traditional ideas of the Perm region citizens as to what is acceptable and unacceptable in appearance. Within the dialectal worldview, the names of old clothes are contrasted with those of new ones, excessively loose clothes – with tight-fitting, dirty – with clean, traditional – with modern. In the dialects, there is a considerable number of lexical units denoting old, worn-out clothes. They often have a negative connotation since such clothes are of low value to peasants. Designations of people derived from the names of old clothes always have a negative connotation. Perhaps this is due to the fact that the dialect speakers believe people in untidy clothes lead an antisocial way of life. Too large and loose clothing are also negatively perceived. This attitude is due not only to aesthetics, but also to utilitarian reasons: people feel it uncomfortable to work in baggy clothes. Semantic derivatives which negatively characterize the person are also formed from the names of baggy clothes. Unreasonably short and tight clothing, which gradually comes into use in the second half of the 20th century, is also negatively evaluated. Elderly villagers thought such clothing to be not only indecent but also uncomfortable.

Key words: Perm dialects; thematic group; names of clothes; designation of a person; evaluative vocabulary.